

ОТ ГЛАГОЛА К СЛУЖЕБНОМУ СЛОВУ. ПУТИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ.

София Пожарицкая

Московский государственный университет

[1] ВВЕДЕНИЕ

Предметом исследования послужили диалектные (севернорусские) «мелкие слова», производные от форм глаголов *быть*, *бывать* (*бы*, *бывает*, *будет*), которые мы рассматриваем в составе синтаксических конструкций в связи с категорией модальности.

Материал был получен нами в процессе экспедиционного обследования говоров Архангельской области (Верхнетоемский, Вилегодский, Каргопольский, Ленский, Лешуконский, Мезенский, Онежский, Пинежский, Плесецкий, Устьянский р-ны) в связи с работой над Архангельским областным словарем (далее АОС).

Способом получения нужных нам сведений были непринужденные беседы с информантами и запись спонтанной речи диалектоносителей, в основном, диалогического характера. Метод прямых ответов на поставленные диалектологом вопросы не применялся. Были использованы также цитаты из опубликованных выпусков АОС и его электронной базы¹. Благодаря этому нам удалось, хотя и весьма приблизительно, выявить ареалы наиболее интенсивного употребления каждого модального слова (союза или частицы) в пределах территории Архангельской обл. При этом выяснилось, что имеются зоны наложения ареалов разных модальных слов/частиц, производных от *быть*, *бывать*, и их дистрибуция в пределах частной диалектной системы представляет особый интерес, поскольку дает возможность более точно определить их семантику и связь с грамматическими структурами предложения. Приведенный в статье цитатный материал представляет собой выборку примеров, наиболее ярко иллюстрирующих разные типы синтаксических конструкций с *бы*, *бывает*, *будет* (*буде*) в связи с их семантикой. Полный объем материала мог бы быть обозрим после того, как завершится работа по записи его для словаря, которая в настоящее время еще продолжается. Следует отметить, что количество материала для отдельных регионов Архангельской обл. существенно зависит от заселенности

---

[1] Список населенных пунктов, в которых был записан цитатный материал (как обследованных нами, так и упомянутых в АОС), приводится нами в конце статьи. Фонетические особенности диалектов передаются в той мере, в какой они не требуют применения специальных средств транскрипции.

соответствующей территории (и, следовательно, степени ее привлекательности для диалектологов), которая очень неравномерна: так, например, для Пинежского и Верхнетоемского районов количество имеющихся в нашем распоряжении цитат исчисляется сотнями, для Плесецкого и Онежского – десятками, для Ленского – единицами.

Материал других единиц диалектного членения русского языка не был использован для сопоставления, и перспектива его привлечения представляется весьма сомнительной в связи с тем, что мы не располагаем записями спонтанной речи с других территорий в достаточном объеме, поскольку остальная территория изучалась в основном лингвогеографическими методами, которые абсолютно непригодны для наших целей. Есть только все основания предполагать, что описываемые нами конструкции не замыкаются административными границами Архангельской обл., а распространяются за ее пределы на территорию северозападных и вологодских говоров; тем самым, западная и южная границы рассматриваемых явлений остаются пока неизвестными.

Единственным источником сведений, которые могли бы быть сопоставлены с нашими, мог бы послужить словарь рязанского говора (ССРНГ) с его богатым цитатным материалом и фонографическими записями, но в нем интересующие нас конструкции отсутствуют – очевидно, не случайно.

Формам глаголов *быть*, *бывать* принадлежит, несомненно, особая роль в образовании служебных слов в русском языке. Помимо употребления в своем экзистенциальном значении, эти глаголы участвовали в качестве вспомогательных элементов в образовании старых сложных форм времени: перфекта, плюсквамперфекта, футурума I и футурума II. Занимая позицию, способствующую клитизации, эти формы утрачивали как формальную, так и функциональную связь с глаголом и развивали новые синтаксические функции и значения, прежде всего – в качестве модальных слов/частиц.

В литературном русском такими «реликтами» глаголов *быть*, *бывать* являются служебные слова *бы*, *бывает*, *буде*, *бишь*², имеющие разный грамматический статус: *бы* – элемента формы сослагательного наклонения; *бывает* – частицы, «характеризующей действие по его протеканию во времени, по полноте или неполноте его осуществления, по результативности или нерезультативности» (АГ 1980, т. 1: 727), *буде* – условного союза, синонимичного *если*.

В севернорусских говорах эти слова обладают теми же грамматическими функциями, что и в литературном языке, но наряду с этим диалектная (севернорусская) речь демонстрирует некоторые иные, по сравнению с литературным

[2] Имеется другая версия происхождения частицы *бишь*: опираясь на мнение ряда историков, М. Фасмер дает ее как аллегровую форму *баешь* от *баю* «говорю» (Фасмер 1964, 170). Однако при эллиптических трансформациях слова обычно сохраняется ударный гласный, каковым в данном случае является [а], поэтому более убедительной нам представляется интерпретация Е.А. Галинской, которая доказывает, что *бишь* – это остаток одной из форм имперфекта (Галинская 2006). Но в наших материалах частица *бишь* не встретилась; ее мы не рассматриваем.

языком, возможности эволюции семантики глагольного слова на пути изменения его грамматических функций. Тем самым, те же слова в диалектной речи оказываются более многофункциональными, чем в литературном языке.

Для изучения категории модальности и, в частности, функций модальных частиц иногда бывает необходимо обращение к внеязыковой ситуации, относительно которой порождается высказывание, и/или к предтексту, которым мы, к сожалению, не всегда располагаем. В ряде случаев это мешает однозначности принимаемых нами решений. Однако в связи с целями исследования для нас в первую очередь важно было не точное определение значения модального слова в конкретном высказывании (однозначный «перевод» каждой диалектной цитаты и каждого слова на литературный язык), а установление диапазона семантического варьирования диалектного слова на основании суммы контекстов, принадлежащих частной диалектной системе.

[2] Бы

Морфологический статус этой частицы как элемента формы сослагательного наклонения в сочетании с л-формой глагола является общерусским и свойствен, в том числе, и севернорусским говорам, например: *Всё время **бы пели** – скорее **бы не забыли*** (Пин. Лав.). Наряду с этим в говорах наблюдается незнакомое литературному языку употребление *бы* в контекстах с формами настоящего, будущего времени и императива³:

- (1) *Там **бы** Гóра **называецце** на угоре* (Пин. Лав.);
- (2) *Ну Олёшка тожо **бы любит** цветы, да ему некогда* (Усть. АП);
- (3) *Сын **будет бы сватать** девку – посмотрят, што умет делать* (Пин. Нюх.);
- (4) *Она **бы спóёт*** (Пин. Нюх.);
- (5) ***Рвите бы** лук-от, я не жалею* (В-Т. Тин.).

Это свидетельствует о том, что синтаксические ирреальные наклонения в диалекте могут взаимодействовать с категорией времени. Системный статус диалектного *бы* в связи с этим позволяет считать, что сослагательное наклонение как категория морфологии глагола располагает парадигмой во времени или, иначе говоря, *бы* является ирреальным модификатором синтаксического плана, функционирующим на уровне сложного предложения и взаимодействующим с временем предиката.

[3] В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), по данным обобщающей статьи Н.Р. Добрушиной (Добрушина 2009), отсутствуют примеры употребления *бы* с формами настоящего времени, а в конструкции «*бы+императив*» встречается только глагол *быть*: «Будь бы товарищ мой не глухой, я протрубил бы ему, мы бы сговорились и ждали бы зайца на той и другой стороне» (М.М. Пришвин. Дружба (1941)).

В диалектных текстах *бы* всегда является энклитикой и обычно находится в контактной позиции по отношению к сказуемому, справа или слева от него (*мука **бы** есть* и *есть **бы** старушки*), но может быть отделено определяющим его наречием: *мама **бы** хорошо работает*.

[2.1] *Бы в высказываниях с двумя предикатами.*

Типичный и преобладающий во всех говорах контекст употребления *бы* – двупредикатная конструкция со строгим расположением частей и сопоставительным или противительным их отношением. *Бы*, структурно примыкающее к первому предикату, играет роль компонента двухместного союза; вторая клауза открывается союзами *а, да, дак, но, ну, только*:

- (1) *Она зовет **бы**, да я не хочу* (В-Т. Тин.);
- (2) *У ней **больша бы** комната, ну холодно, зимой нельзя жить* (Пин. Лав.);
- (3) *Ничего не испекла: мука **бы** есть, дак дрожжей нету* (Усть. АП);
- (4) *Клуб-от **бы дивен**⁴ у нас, да сцена маленька* (Леш. Кеба);
- (5) *В красном доме **есть бы** старушка, только болеет, ей уж под восемьдесят* (Пин. Нюх.);
- (6) *Она **бы на все болезни, но** ей трудно искать* (В-Т. Вдг.);
- (7) *Есть женщина **бы и хорошо шьет, да** ребенок у ней* (Пин. Нюх.);
- (8) *Она **может бы** петь, да не запекает* ('не может быть запева-лой') (Леш. Кеба);
- (9) *Теперь **бы сытые, а** хуже веселяще* (Пин. Нюх.);
- (10) *И сена **хватит бы** на корову, только коров нету* (В-Т. Тим.).

Содержанием первой части высказывания с *бы* является реальная позитивная посылка; во второй, начинающейся с *а, да, дак, ну, только*, сообщается тоже реальный факт, который препятствует предполагаемому позитивному развитию ситуации, логически следующему из посылки в части первой. Тем самым потенциальное (невербализованное) следствие первой посылки противопоставляется содержанию заключительной части. В некоторых случаях в составе высказывания может быть восстановлена еще одна предикативная единица – нереализованное позитивное следствие посылки, сформулированной в первой части. Можно предположить, что *бы* в этих примерах прочитывается не на фоне предиката первой части с реальной модальностью, а в составе предиката отсутствующей части с ирреальной модальностью: 'клуб большой, поэтому в нем могли бы быть концерты, но...'; 'есть старушка, которая могла бы

[4] *Дивный* – большой, хороший.

что-то рассказать, но...»; ‘женщина могла бы сшить что-то, но...’ и т.п. Семантика «нереальности» относится, таким образом, не к вещественному содержанию вербализованного предиката (клуб действительно велик, старушка на самом деле живет в красном доме и т.д.), а к той ситуации (невербализованной), которая не может реализоваться в силу причин, о которых сообщается в конечной части высказывания. Тем самым *бы* позволяет выявить невербализованный предикат с ирреальной модальностью.

Примечательно, что во второй части высказывания либо имеется отрицание, либо предикат содержит «негативную» сему: *маленька, трудно, болеет, холодно*⁵.

В присущей этим контекстам ситуации сопоставления рема (реже тема) первой части с примыкающим *бы* как правило выделяется повышением тона на ударном гласном акцентируемого слова; во второй части понижением обычно маркируется рема, если она относится к тому же подлежащему, либо тема, если во второй части предложение с другим подлежащим (Кодзасов 1996, 194): *она ↗ может бы петь, да не ↘ запевае́т; мука бы ↗ е́сть, дак ↘ дро́жжей нету; клуб-от бы ↗ дивен у нас, да ↘ сцена маленька; у нас и ↗ река бы близко, а повадились в ↘ колодец.*

Общий прагматический смысл диалектных высказываний такого типа — вербально не выраженное сожаление о нереализуемости имеющейся предпосылки: ‘поставить концерт с большим количеством участников’, ‘побеседовать со старушкой’, ‘сшить одежду’ и т.п.

Эта конструкция употребляется в диалектной речи так часто, что становится своего рода формулой, клишированным способом выражения эмоции сожаления о нереализованной возможности осуществления имеющейся предпосылки, а клишированность, как известно, в высокой степени свойственна спонтанной речи вообще и диалектной в особенности (Николаева & Седакова 1995).

[2.2] *Бы в высказываниях с одним предикатом*

- (1) *Она бы женщина трудолюбивая, роботящая* (В-Т. Вдг.);
- (2) *Хорошо бы жить-то, всего бы много* (В-Т. Вдг.);
- (3) *У нас земля бы очень хорошая* (В-Т. Вдг.);
- (4) *Он бы и не старый, семнадцатого году* (Пин. Нюх.);
- (5) *Мне бы не ндравнице так-то жить-ту* (Леш. Кеба);
- (6) *У меня бы щас хлеб-от есь хорошей бы* (Пин. Лав.);
- (7) *Черёмухи сухой килограмм бы шестнадцать есть* (В-Т. Вдг.).

[5] О «позитивной» и «негативной» семантике в антонимических парах качественных прилагательных см. (Апресян 1974).

Некоторые из приведенных высказываний оставляют впечатление недосказанности, не вербализованной идеи несоответствия существующей ситуации тому, что автору представляется нормальным развитием сюжета, заявленного в первой части ('женщина трудолюбивая, а живет бедно'); однако завершающая интонация, наблюдаемая в ряде контекстов, указывает на их автономный характер и свидетельствует в пользу необязательности антитезы типа 'земля хорошая, а урожаи плохие', 'жить хорошо, а уезжают' и т.п. Допустимо и позитивное развитие сюжета сообщения: 'земля хорошая, и вследствие этого урожаи большие', 'она женщина трудолюбивая, и поэтому живет хорошо', 'жить хорошо, и поэтому никто не уезжает'. В режиме спонтанной речи, в диалоге, когда собеседник обладает не только фоновыми знаниями, но ему понятны и эмоции говорящего, которые он сам скорее всего разделяет, антитеза, присутствующая в сознании говорящего, не нуждается в вербализации.

В таких случаях вероятна синонимия частиц *бы* и *ведь* в значении, которое предполагает разные пресуппозиции говорящего и адресата: *она ведь женщина трудолюбивая; земля ведь очень хорошая*, т.е. «удостоверительное» значение частицы, подтверждение того знания говорящего, которое, возможно, не очевидно для адресата (Бонно & Кодзасов 1998). Иногда такая интерпретация представляется достаточно убедительной:

(8) *Выпью редко, не хочу бы пить-то* (Пин. Лав.);

(9) *Осенью бы отпуск, осенью и приедут* (В-Т. Вдг.);

(10) *Река-то бы маленька, покупались бы* (В-Т. Вдг.);

(11) *Не надо покупать, свои бы есть* (Пин. Нюх.);

(12) *Где у нас старушки? Нет бы боле* (Пин. Нюх.).

Две клаузы в составе этих высказываний не связаны семантикой антитезы; они независимы, и при этом *бы* является частицей, принадлежащей только одной клаузе и «удостоверяющей» значение предиката (*не хочу ведь пить-то; река ведь маленькая; нет ведь боле старушек*).

Частица *бы*, синонимичная модальной частице *ведь*, соотносит мнения разных субъектных сфер (разных личностей – субъекта и адресата), в отличие от *бы* в [2.1], которая участвует в соотнесении фактов в рамках одной субъектной сферы – говорящего.

Встречающиеся иногда предложения со сказуемым в форме прошедшего времени *+бы*, омонимичные сослагательной конструкции (и по всей вероятности, сосуществующие с ней в одной системе), не содержат значения ирреальности:

(13) *Они бы не запрещали, но мы не могли* (В-Т. Вдг.);

- (14) *Мама **бы** хорошо работала, а отец деньги пропьет* (В-Т. Тин.);
- (15) *Он уж **бы** и плыл, и ревел⁶, что спасайте, а никого нету* (В-Т. Тин.);
- (16) *Раньше и сыновья **бы** дома жили, а ноне уезжают* (В-Т. Вдг.);
- (17) *Оне совсем **бы** меня не касались, а я приглядывалась* (Усть. АП);
- (18) *Так-то там большая **бы** деревня была, а сейчас домов десять* (Усть. АП).

Семантика этих конструкций та же, что и в примерах с формами настоящего времени: *бы* является сигналом возможного, но не состоявшегося позитивного развития ситуации, а *л*-форма указывает на отнесение сюжета рассказа к прошлому. Эти примеры подтверждают предположение о том, что *бы* можно рассматривать как ирреальный модификатор синтаксического плана, функционирующий на уровне сложного предложения и взаимодействующий с временем предиката.

Возможность совмещения разнообразных функций *бы* в разных синтаксических конструкциях (общерусских сослагательных и специфически диалектных, о которых шла речь выше в [2.1]) в одном речевом тексте иллюстрируют следующие контексты, записанные в д. Акичкин Починок Устьянского р-на:

- (19) *Хоть и годов много **бы**, и ничего **бы** не действует, всё болит, а умирать страшно. Я-то **бы** рада умереть-то, да нету смерти дак;*
- (20) *Она понимает **бы**, в медицине, и роботат **бы** хорошо, да спилась. Она **кабы** не пила **бы**, страсть **бы** хорошо роботат. Вот к нам медика-то эково и сунули. Она вообще знат **бы** всё дело, опытная, ну испортилась вся.*

[2.3] *Бы с императивом.*

- (1) *Чево хош **бы** делайте* (Вил. Клуб.);
- (2) *Рвите **бы** лук-от, я не жалею* (В-Т. Тин.).

В этом можно видеть смягчительную функцию *бы*, которая переводит модальность высказывания из директивной в разрешительную, и в связи с этим интересно вопросительное высказывание, адресованное диалектологам:

- (3) *Университет – это **бы** с каким уклоном?* (Пин. Нью.).

[6] *Реветь* – кричать.

Частица *бы* в этом случае явно относится не к объективному (диктальному) содержанию высказывания, а включена в апелляцию к собеседнику и выражает уважительное отношение к нему говорящего. Тем самым частица *бы*, будучи не связана с реальным содержанием высказывания, отсылает именно к форме императива в модусной рамке (ср.: *рвите бы* — *скажите бы). Смягчительная модальность естественным образом перетекает в форму вежливости: побуждение (1) → разрешение (2) → вежливость (3)⁷.

Побуждение к действию (или его запрет) с формой императива 2-го лица + *бы* может иметь косвенный или «смещенный» характер:

- (4) *Оне бы удочкой-то ↗ ловите, а травить-то бы не ↘ травите*
(Вил. Клуб.).

Адресуясь к собеседнику (референту), говорящий (субъект высказывания) сообщает ему свое мнение относительно тех действий 3-го лица (отсутствующего адресата – субъекта действия), которые представляются ему правильными либо неправильными, желательными либо нежелательными. Соединение двух речевых перспектив (субъект речи → адресат речи, субъект речи → субъект действия) приводит к рассогласованию по лицу субъекта и предиката: благодаря 3-му лицу субъекта действия (*оне*) соблюдены интересы адресата, поскольку речь идет об отсутствующем лице; формой 2-го лица предиката (*ловите, травите*) говорящий помещает себя в ситуацию, когда прямым адресатом его высказывания становится отсутствующее лицо, чьими действиями он недоволен.

Частица *бы* удерживается в аналитической форме императива с глаголом в форме 3 лица настоящего или будущего времени и частицей *пусть/ пускай*:

- (6) *Уж будет ак сами выучацце как надо, а пускай **роботают бы!***
*Пускай **робят бы!*** (В-Т. Тин.);
(7) *Пусть **бы поживет** неделю-то хоть бы у нас!* (Пин. Лав.).

Ср. мнение А.А. Шахматова по поводу семантики предложений с 3-м лицом в повелительном наклонении: «Говорящий, выдвигая название действия-состояния... ставит данному третьему лицу обязанность стать его субъектом», которое сопровождается пометкой на полях: «Точно ли при 3-м единственном возможен императив? Не желательное ли это?» (Шахматов 2001, 483).

Транспозиционное употребление императива, при котором *бы* усиливает ирреальность потенциальной ситуации, наблюдается в следующих высказываниях:

[7] Ср. в (Добрушина 2009, 298) об участии *бы* при л-предикатах в литературном языке в формировании семантики «смягчения категоричности»: «Частица *бы* для выражения желания встречается в корпусе значительно реже, чем мы предполагали, причем чаще всего субъектом глагола является адресат, а конструкция имеет значение мягкого совета, рекомендации».

- (7) *Хоть топеря **бы поезжай** — дак ишо правнуков рóщу, ним по-могаю* (В-Т. Вдг.);
- (8) *Восемь классов кончил — **поезжай бы** учище, а он вот еще и не кончил* (В-Т. Вдг.).

В (8) с предикатами временного следования (*кончил школу – поезжай*) первое действие (окончание школы) является условием выполнения второго (отъезда на учебу), а третье аннулирует ожидаемый результат. Тем самым вербализованной оказывается та предикативная единица в составе высказывания, которая опущена в цитатах из раздела [2.2], и именно туда, на свое «законное место», перемещается *бы*, означающее потенциально возможное, но не реализуемое действие. Выделительных акцентов здесь два: во второй и третьей клаузах; размещение их характерно для ситуации контраста: *поезжай бы* ↗*учи́ться, а он вот еще и* ↘*не кончил* (и не поехал). Возможный восходящий акцент на первой и второй клаузе (*восемь классов* ↗*кончил – поезжай бы* ↗*учи́ться*) объединяет первую и вторую клаузу в высказывание с условно-гипотетической модальностью, которое не обладает просодической завершенностью и нуждается в присоединении третьей клаузы с нисходящим акцентом: *а он вот еще и* ↘*не кончил*.

Многофункциональность *бы* ведет к десемантизации, которая проявляется в том, что его многократный повтор в речи часто представляется немотивированным, избыточным с точки зрения семантики текста. Например, в разговоре с диалектологами о возможности собрать деревенский хор в д. Лавела Пинежского р-на, было сказано: *Моя сестра, да Петровна **бы** еще, да Пантелевна **бы**, вот мы **бы** все **бы** Каскоменьски-ти, да вот Авдотья **бы** Кузьмовна, вот с одной-то **бы** деревни, дак **бы** хорошо спевались, одной-то **бы** петь-то **бы** худо*. И далее: *Там **бы** Сараева есть, хорошо поёт*. В существовании Сараевой и ее способности петь говорящие не сомневаются; *бы* при этом, очевидно, символизирует припоминание, присоединение еще одного персонажа к названным ранее.

Семантическую избыточность употребления многофункционального «мелкого слова» как характерную черту диалектного дискурса можно наблюдать также и на примере других частиц; например, *-от (-то, -та, -ту, -те): Робóту-ту тежóлу-ту не мóжет рóбить-та, а сидеть-та мóжет, гледеть-то, ходи́ть-то кругóм-ту* (Леш. Кеба); *Ны́нче-то на большо́й-то доро́ге рúчей-то у ба́ни-то у Па́вля-то до́ма – не текё сейгод* (Пин. Шт.); *Дак то бы ево́нно-то бы ёсть письмо́-то наве́рно-то* (Усть. АП).

Таким образом, в севернорусских говорах *бы*, помимо своей грамматической роли в качестве союзного средства и модальной частицы, может быть текстообразующим дискурсивным элементом с широкими функциями реализации свойственной диалектной речи инерционности текста: связи фрагментов

текста, усиления его выразительности путем повтора фрагментов и т.п.⁸ Наблюдаемая при этом десемантизация («семантическое обесцвечивание» или «опустошение») является, как известно, одним из характерных признаков грамматикализации.

Частица-союз *бы* вне формы сослагательного наклонения функционирует на весьма обширной территории: максимальная концентрация ее наблюдается в говорах среднего течения Пинеги (Пинежский и Верхнетоемский р-ны), несколько менее – в Устьянском и Вилегодском р-нах, единично – едва ли не везде.

[3] БЫВАЕТ

Изменение грамматического статуса глагольной формы *бывает*⁹, которая, утратив формы словоизменения, стала частицей/вводным словом при предикатах с грамматической семантикой кратности, известно как литературному языку, так и диалектам, ср.: *Придет, **бывает**, охотник, захочется ему отдохнуть, он и воткнёт топор в дерево* (М. Пришвин); *диал. **Быват** до того докошице, на пожне¹⁰ родить стане* (Плес. Прш.); *Как клюквы много осенью, так и ржи будут, а то **быват** и клюквинки нет* (Холм. ПМ.).

Однако в говорах наблюдается формирование у *бывает* таких семантических характеристик, которые позволяют приписать ему роль союзного средства, а также включить его в число слов-эгоцентриков с эпистемическим модальным значением и проследить не только семантический и морфологический аспекты грамматикализации этого слова, но и сопровождающую его фонетическую деформацию, напр.: *Репя-то насеяна – она **бай** не вырастет* (В-Т. Вдг.).

Исходная словоформа *бывает* представлена в говорах вариантами: *бывáт, бывáе, бывáй, бывá, бай, бват, бат, ба*, которые обычно свободно варьируются в двухсложных и в односложных модификациях (напр., в д. Веегора Пинежского р-на – *ба, бат, бват, бывá, бывáт*) в зависимости от свойств их позиции во фразе, сохраняя при этом семантическое тождество.

Полная трехсложная форма [бывáет] или [бывáе] (последнее – в говорах, которым свойственно отсутствие конечного [-т] в форме 3-го лица глагола) существует обычно как глагол/предикат, который, однако, тоже может быть двухсложным [бывáт] в результате стяжения гласных при выпадении интервокального [j]: ([быва[j]ет>бываат>быват]). Таким образом, в виде *бывáе, бывáт* могут встретиться в одном говоре как омонимичные 1) глагольная форма со стяжением, 2) частица с грамматической семантикой кратности, 3) частица с эпистемической модальностью и 4) союз.

[8] О текстообразующей роли частиц см. (Евтюхин 1979).

[9] В дальнейшем изложении мы используем исходную форму *бывает* как прототипическую по отношению к эллиптированным модификациям данной лексемы.

[10] *Пóжня* – сенокосное угодье.

Устойчивое эллиптическое преобразование исходной формы *бывает* в двухсложную или односложную частицу, занимающую преимущественно безакцентную позицию во фразе, подтверждает идею о том, что «Интегральная редукция слова – стандартный способ маркировки семантического разрыва с исходной лексемой» (Кодзасов 2009, 328) и служит проявлением «фонетической эрозии», которая сопровождает явление грамматикализации: «Once a lexeme is conventionalized as a grammatical marker, it tends to undergo erosion; that is, the phonological substance is likely to be reduced in some way and to become more dependent on surrounding phonetic material» (Heine 1993, 89).

В отличие от *бы*, которое не может занимать инициальную позицию во фразе и является устойчивой клитикой, модификации слова *бывает* чаще занимают инициальную позицию в клаузе и могут быть акцентированы – как двухсложные, так и односложные.

[3.1] *Бывает* в высказываниях с двумя предикатами

В конструкциях с двумя предикатами *бывает* играет роль союза или компонента двухместного союза с соотносительным *дак*, *так*. Значение его в этом случае близко к условному *если*, но не тождественно ему:

- (1) *Быват не заможеш*¹¹, *дак с голоду умрѣшь* (Карг. Оз.);
- (2) *Быват двери полы*¹², *он всё выстудит* (В-Т. Грк.);
- (3) *Соляры*¹³ *бат* мало будет, *и погасят* (электричество) (Он. Лмц.);
- (4) *Быват ребята пойдут, дак быват и он пойдет* (Карг. Оз.);
- (5) *Бай вы желаете чай, так берите* (Плес. Прш.);
- (6) *По зиме бат* худо кормили, *дак не доянце коровы-ти* (В-Т. Тин.).

Высказывание в целом имеет гипотетическую модальность, относящуюся к конкретной ситуации: в протазисе с инициальным, как правило, *бывает*, высказывается предположение о возможном действии или состоянии (говорящий предполагает, что: ‘двери открыты’, ‘будет мало солярки’ и т.п.), а в аподозисе сообщается вероятное следствие этого: ‘дома будет холодно’, ‘отключат электричество’ и т.п.). Цитата (4) имеет двойную гипотетическую модальность: предположение о том, что ‘ребята пойдут’ и предположение о том, что в этом случае и ‘он (вероятно) тоже пойдет’. В протазисе с предикатом прошедшего времени в (6) предлагается причинное обоснование ситуации, о которой сообщается в аподозисе и которая имеет место сейчас; *бат* обеспечивает модальный характер предположения, относящегося к прошлому: ‘возможно (или вероятно), что зимой коров плохо кормили’. Кажущаяся возможной замена *бат*

[11] *Не замóчь (незамóчь?)* – стать слабым, беспомощным.

[12] *Пóлый* – пустой, открытый.

[13] *Соляра* – солярка, жидкое топливо.

на *если* меняет смысл высказывания, переключая модальность предположения о причине конкретной ситуации в условную модальность общего характера.

Ср. у А.А. Шахматова, который интерпретировал модальное значение высказываний в рамках синтаксического «предположительного (гипотетического) наклонения»: «Говорящий, устанавливая связь субъекта с предикатом, делает это не с полной уверенностью, а с оговоркой; это достигается наречиями: *кажется, вероятно...* при изъявительном наклонении». Здесь же приводится уточнение, представляющее для нас особый интерес: «Областное *бывает*» (Шахматов 2001, 486). Ср. также цитату из словаря В. Даля: «*Бывает*, может статься; *бывает пойдю*, может быть, пойдю, *арх.*» (Даль 1955, I: 148).

Таким образом, на базе старой глагольной формы формируется союз с модальным оттенком предположения (гипотезы), а эволюция глагольных форм и их движение в направлении модальных частиц представляется перетеканием смыслов между категориями времени, вида и модальности.

[3.2] *Бывает в высказываниях с одним предикатом.*

Преобладающее во всех говорах значение *бывает* в контекстах с одним предикатом служит выражением эпистемической модальности: оценки говорящим возможности осуществления предикативного признака, градуированной по степени вероятности, которая иногда конкретизируется или «усиливается» частицами/наречиями *может, наверное, ведь, бы* и другими:

- (1) *Ба и голодом придется сидеть. Ба война будет* (Нянд. Врл.);
- (2) *Садитесь чаю пить, **быва** не пили сѣдни¹⁴?* (Пин. Лав.);
- (3) *Олѣха-то не знай где, **бывай** в загуле опять* (Пин. Нюх.);
- (4) *Он запися што-то; **быват** испортился там на чужой стороны* (Пин. Нюх.);
- (5) *Ну, Анка, говорю, они **бай** заблудилисе* (Пин. Лав.);
- (6) *А где девочка-то? **Быват** лежит?* (В-Т. Вдг.);
- (7) *Не знаю, **быва** либо дома не была, либо чѣ, не помню чѣ-то у ей свадьбы* (Пин. Лав.);
- (8) ***Можот** дешевле-то **быват бы** и взял* (Он. Лмц.);
- (9) *Она тожо год-от **наверно** не помнит **быват*** (В-Т. Тин.);
- (10) *У нас **ба** **ведь** есть тканьѣ-то?* (Нянд. Врл.).

Такое значение способствует формированию союзной функции *ба* (вероятно, и других модификаций *бывает*) в альтернативной конструкции:

[14] *Сѣдни* — сегодня

(11) *Там где-то живё – ба в Ленинграде, ба где* (Пин. Врк.).

В приведенных цитатах однозначно прочитывается единичность события, о котором идет речь, и, следовательно, интерпретация через значение многократности, как следовало бы предположить исходя из употребления *бывает* в литературном языке, невозможна.

Таким образом, семантика «нерегулярности» и «кратности», которая присутствовала в исходной форме глагола *бывает*, преобразуется в новую оценочную семантику, разрушающую семантику многократности, а следовательно, и связь с категорией вида. Тем самым эллиптированные диалектные слова, производные от глагольной формы *бывает*, представляют следующую ступень в цепочке грамматикализации, начинающейся с глагола-предиката и кончающейся модальной частицей: *он бывает у нее* → *мы, бывает, навещаем ее* ('нерегулярно навещаем') → диал. *он бывает (быват, бат) навещает ее* ('может быть, навещает' – неуверенное предположение). Следующей ступенью может быть практически полная десемантизация *бывает*, которая иногда компенсируется дублирующими (или усиливающими) частицами либо наречиями *может, наверное* и другими: (7) – (10).

[3.3] *Бывает с императивом*

Таких примеров у нас мало, и роль *бывает* в них весьма неопределенна: ее можно понять как «поддержку» императивности – (1) – (3) – либо как приглашение к совместному действию – инклюзивный императив (4), где *быват* может быть понято как проявление вежливости по отношению к референту (ср. подобную функцию частицы *бы* в [2.3]):

- (1) *Вы **быва** пойте!* (Пин. Лав.);
- (2) *Стас, **быват** насос включи!* (Пин. Нюх.);
- (3) ***Быват** не помножку ешьте, а то будешь меня ругать – окоянна эта старуха, окормила меня* (Он. Хчл.)
- (4) *Мало кто делат-то по-старинному, а мне приносят, я камус¹⁵ шью да деревянны заготовки делаю – **быват** зайдем в передни комнаты-то, да я покажу* (Пин. Лав.).

В любом случае, мы здесь имеем дело с высокой степенью десемантизации исходной глагольной формы на пути превращения ее в текстообразующий элемент дискурса.

«Реликты» глагола *бывать* в виде модальных слов (союзов и частиц) отмечаются на всей территории Архангельской обл., но зоной особенно активного их употребления являются центральные ее районы – Верхнетоемский и Пинежский.

[15] Камус – полоса шкуры с оленьей ноги для подбоя деревянных лыж.

[4] Буде

В словарях литературного языка *буде* дается как союз со значением 'если' и с пометой «устаревшее» (Ожегов 1972); в грамматике — «Союз *буде* используется в целях архаизации, а также с иронической окраской. Его употребление ограничено теми случаями, когда обуславливающая ситуация ориентирована в план будущего: *Мамашу я приглашу с собой в Ялту в сентябре и потом, буде она пожелает, вернется в ноябре в Москву* (Чехов)» (АГ 1980, II: 568).

На территории Архангельской области есть два «разорванных» ареала особенно интенсивного употребления *буде*: северо-западный (север Онежского и Приморский р-ны), где *буде* играет роль союзного средства в сравнительном обороте, и южный (Каргопольский, Вельский, Вилегодский, Котласский, Красноборский, Устьянский р-ны), где *буде* функционирует как союз в условно-гипотетических конструкциях и как модальная частица эпистемического характера. Тем самым, семантические и грамматические характеристики слова *буде* в этих ареалах существенно различны, и это ставит перед нами ряд вопросов: 1) имеем ли мы дело с омонимичными союзами или с диффузностью семантики (многозначностью) одного слова? 2) следует ли связывать различие в значении *буде* на разных территориях с различием их происхождения или считать их дивергентами одной глагольной формы? Исходной формой для *буде* мог бы быть, во-первых, императив *буди* → *будь* (к которому принято возводить союз *будто*), во-вторых — форма 3-го лица индикатива *будет*. Второе предположение кажется нам предпочтительным хотя бы потому, что сохранение тембра безударного [е] в конце слова характерно для фонетики говоров с полным оканьем; мена же [и] в исходной форме императива *буди* на [е] в *буде* маловероятна.

[4.1] *Буде в функции сравнительного союза (северо-западный ареал)*

- (1) *Все ляги¹⁶ полны водой, буде колодцы стоят* (Он. Лмц.);
- (2) *Она (церковь) там буде чаечка белеет* (Он. Лмц.);
- (3) *Хвост роспушилсе буде куделя¹⁷* (Он. Лмц.);
- (4) *Борька на одной ноге скачет буде птичка* (Прим. Пшл.);
- (5) *Лампочки буде звездочки горят* (Прим. Пшл.).

Сравнение осуществляется на базе сходства образов: 'лужа выглядит, как колодец', 'церковь можно принять за чайку', 'хвост похож на куделью'.

[16] *Ляга* — большая лужа.

[17] *Куделя (кудель)* — вычесанный и перевязанный пучок льна, приготовленный для пряжи.

[4.2] *Буде в конструкции с двумя предикатами*

В контекстах с двумя предикатами *буде* может играть роль условного союза в придаточной части сложноподчиненного предложения:

- (1) *Я задавлюсе, **буде ты не пойдешь за меня замуж*** (Котл. Збл.);
- (2) *Глубоко у нас сейгод посажена картошка-то, а **буде** глубоко, **дак там опеть холодно*** (В-Т. Тим.);
- (3) *Ну да не беда, **буде будет** (крупя в магазине), **дак сама сползаю*** (Вил. Пвл.).

Это соответствует употреблению *буде* в литературном языке, где ему приписывается дополнительная роль «архаизации» и «иронического оттенка» (см. выше), отсутствующая в диалектной речи. В условиях конкретной ситуации условная модальность первой клаузы является по существу гипотетической: говорящий высказывает предположение относительно настоящего (5), или будущего (6), (7) действия/состояния и формулирует его реальное следствие:

- (4) ***Буде хорошая погода, дак погребитё*** (Усть. АП);
- (5) ***Буде нет замка, дак зайду в избу, коромысло выну*** (Карг. Лкшм.);
- (6) ***Буде поедешь, тогда посмотри*** (Вель. Сдр.);
- (7) ***Буде и пьяный напьется, дак сожгёт буде всё*** (В-Т. Тим.).

В (7) первое и второе *буде* создают двойную гипотетическую модальность высказывания: предположение о том, что 'некто может напиться пьяным' и предположение о том, что в этом случае он 'может всё сжечь' (но может и не сжечь).

Заметим, что в высказываниях с гипотетической модальностью клауза с *буде* всегда находится в протазисе.

[4.3] *Буде в конструкциях с одним предикатом*

Буде регулярно употребляется в проспективных контекстах в составе простого предложения с формами будущего времени. Положение *буде* по отношению к предикату свободное:

- (1) *А там **приедут и увезут буде*** (В-Т. Тим.);
- (2) *Весь чай простудили, **буде надо подогреть*** (Усть. АП);
- (3) *Уедете — опять одна буду, **буде одна старушка какá зайдет*** (Карг. Нкл.);
- (4) *Воды там нет, **надо буде из-под слуды¹⁸ носить** или с водочки* (Усть. АП);

[18] *Слуда* – крутой берег реки.

- (5) *Вы булку-то ешьте, мне Дуська опять буде принесет* (Усть. АП);
- (6) *Ты это ешь, а то я буде маме оставлю* (Усть. АП).

Особый интерес представляют редкие примеры, в которых представлена форма *будет* с неутраченным конечным *-т*:

- (7) *Тебе, паря¹⁹, будет двенацать рублей дадут* (Вель. Сдр.);
- (8) *Зашила (начала шить) парню брюки, да не дошью буэт. Не ма-ленькой, оттяну буэт* (Мез. Дрг.);
- (9) *Скажу Митрию, он тебе намякат²⁰ будет* (Шенк. ВП);
- (10) *Мы-то сами по себе дак, у меня топере окорёно²¹, а потом ро-скряжую²² будет осенью-ту, на кряжи опеть вывожу-ту* (вы-везти на кряжи – ‘вывезти спиленное дерево из леса в виде кряжей’) (В-Т. Тин.);
- (11) *Какá-то когды жонка пошла, а мужик-от только што выско-чил, дак она одва²³ не испужаласе: думат, он быват чего сделат со мной будет* (В-Т. Тин.).

Дублирование тождественных морфологических и лексических единиц для подчеркивания, «обновления» их смысла чрезвычайно характерно для диалектной речи и проявляется по-разному: дублируется показатель итеративности с целью подчеркнуть идею кратности действия, заложенной (но, видимо, «стирающейся») в глаголах несовершенного вида типа *бить – бивать – бивывать, ска-зать – сказывать – сказывливать* и т.п. (Пожарицкая 1991); дублирование при-ставок (*попосле, поподавать, попоехать, поподоить, попоцедить* и т.п.); сюда же можно отнести и повтор корня в тавтологических сочетаниях, используе-мый и в литературной речи (типа *бегом бежит, ревя ревут*), но значительно чаще и разнообразнее – в диалектной, как северной, так и южной: *из веков веков больница стояла, сидя сидит, до позда́ поздущего, пихкóм пихаются, брод-кóм перебредешь, видóм ненавидит, прыгма́ прыгать, связма́ связать, сижма́ си-деть* и т.п. Повтор корня может иметь отличную от повтора аффикса функцию: если значение аффикса, как грамматичное и менее осознаваемое говорящим, может стираться и потому требует дублирования, то корневая семантика – бо-лее конкретна, вещественна и потому осознаваема, поэтому повтор корня дает

[19] *Паря* – обращение.

[20] *Намякать* – набить, побить.

[21] *Окорить* – очистить от сучьев ствол спиленного дерева.

[22] *Раскряжевать* – распилить на части (кряжи) ствол спиленного дерева.

[23] *Одва* – едва.

усиление интенсивности признака и общей экспрессивности выражения. Но в общем плане – то и другое представляют собой явления одного порядка.

В любом случае слово *будет*, теряющее согласование с полнозначительным глаголом в форме будущего времени, но сохраняющее не усеченной форму 3 л. ед.ч. (*роскрыжует будет, будет выучаице*), представляется нам промежуточным звеном, этапом грамматикализации глагольной формы в процессе перехода ее в модальную частицу *буде*, когда глагол утрачивает формы словоизменения, но его форма еще не эллиптирована и сохраняет присущую исходной глагольной форме семантику времени.

Употребление *буде (будет)* при предикате будущего времени вне условной конструкции согласуется с предположением М.Н. Шевелевой (Шевелева 2008) относительно возможности его независимого употребления в древнерусском языке в качестве глагольной формы, вводящей ситуацию будущего времени, подобно тому как вводит или подчеркивает ситуацию настоящего времени форма *есть* (*В Окичкине наверно уж косят есь* – Усть. АП) и ситуацию прошедшего времени – формы *было, бывало* (*Картошка в прошлом году была вся выгнила* – Мез. Мос.)

В контекстах с формами настоящего и прошедшего времени, где полностью утрачена связь с глагольной категорией времени, становится вполне отчетливым значение *буде* как модальной частицы с эпистемическим значением:

- (12) *Одна тут есть дак пять буде было... буде всех уж сдала в детдом... ну што толку, нарожала да сдала...лучше бы уж не рожала буде... на оборт ходила, чем государству воспитывать* (Усть. АП);
- (13) *Вот там одна женщина купила дом и вторые... там две семьи... вот третьей буде дом купил* (Усть. АП.);
- (14) *Не знаю, чья родня, а буде уж Елене да Петеньке* (Усть. АП);
- (15) *Некоторые дома наверно так буде стояли* (Пин. Вгр.);
- (16) *Буде там есть на лесопункте обша баня* (В-Т. Врш.);
- (17) *Котята там шурчат, буде ходя* (Плес. Прш.);
- (18) *Слишком богомольных у нас буде нету* (Красн. ВУ);
- (19) (Есть у вас слово ‘рада’?) – *Радуга буде?* (Красн. ВУ).

Буде сообщает высказыванию семантику приблизительности в оценке количества – (7), (12), (13), неуверенного предположения относительно ситуации настоящего или прошлого – (14)-(19).

Эпистемическая модальность естественно перетекает в союзную функцию *буде* в альтернативной конструкции (ср. аналогичную ситуацию с *бывает (ба)* в [3.2]):

(20) *Тебя не поймешь ты **буде** хулишь²⁴, ты **буде** хвалишь* (Красн. ВУ);

(21) ***Буде** дак уйдет в лес, **буде** молотит, **буде** ткёт* (Усть. Снк.).

[4.4] *Буде при императиве*

Буде существенно чаще встречается при императиве, чем бы и бывает:

(1) ***Пойте** какую-нибудь песню **буде!*** (В-Т. Тим.);

(2) *Пойду я капусту поливать, а вы **буде** чайник **выключите*** (Усть. АП);

(3) *Ты это подтегай **буде!*** (В-Т. Тим.);

(4) ***Допей** **буде-ка!*** (В-Т. Тим.);

(5) ***Поди** **буде** ты в президенты!* (Усть. АП);

(6) *Ты **не** ходи **буде** некуда, обрежайсе²⁵* (Вель. Пкш.);

(7) ***Бежи** **буде** к девочкам* (Вил. Слн.);

(8) ***Иди** **буде** ко мне на колени, циган* (Вил. Пвл.);

(9) *Ну-ко давай **буде** чаю стакан **выпью**. Давай, баба, **буде** мне **налей**, не жирно только* (о чае) (Усть. Снк.);

(10) *Давай **пойдемте** **буде** набирать* (Вель. Сдр.).

Оттенки императивных значений (степень категоричности), сообщаемых разными частицами (ср. 'давай пой', 'пой уж', 'пой, пожалуйста', 'пой же' и т.д.), которые в свою очередь многозначны, весьма разнообразны и не могут быть определены вне широкого контекста, включая просодический. Роль *буде* в наших контекстах можно интерпретировать и как смягчающую директивный характер высказывания, и как дублирующую, усиливающую его подобно частице *давай* (Левонтина 2005).

Возможны и другие варианты семантики *буде*: как видим, в (9) *буде* в сочетании с *давай* сопровождает и формальный императив (*давай **буде** налей*), и формальный индикатив, который принято включать в парадигму императива в качестве формы 1 лица ед. числа (*давай **буде** выпью*) (Бирюлин & Храковский 1992). В этом случае *буде* представляется синонимичным частице *пожалуй* в одном из ее значений — 'принятие решения' (Разлогова 1998).

Просмотр значительного массива контекстов с *буде* показывает, что оно употребляется преимущественно с проспективно ориентированными глагольными формами, что вполне естественно в связи с его союзной ролью в условных и гипотетических конструкциях и при императиве. Однако и при индикативе *буде* чаще совмещается с формой будущего времени глагола (см. [4.3]).

[24] *Хули́ть* – осуждать, бранить.

[25] *Обрежа́ться (обряжа́ться)* – заниматься домашними делами, в том числе, ухаживать за скотом.

Возвращаясь к компаративной функции *буде* ([4.1]), нельзя не отметить ее общности с семантикой предположения, гипотезы: сравнение может содержать «ложное предположение», когда говорящий на основании внешнего сходства как бы приписывает референту неверную интерпретацию наблюдаемого: *Идет – дак четыре пролехи* (прорехи), *буде вся прирвана*²⁶ *идет, буде по кустам лезано* (Он. Лмц.).

На основании внешнего вида женщины некто, по мнению говорящего, может предположить, во-первых, что ее юбка разорвана, во-вторых, что это следствие того, что женщина лазила по кустам; но говорящему известно, что на самом деле таков модный покрой юбки, который он, очевидно, не одобряет. Общность компаративного значения и гипотетической модальности просматривается в цитатах из словаря В. Даля: «Буде со. Ежели, если, когда, коли (условно); стар., а в народе местами и ныне *будет... а будет нужда придет, покоримся и ей. Буди* нвг, в знач. Точно, ровно, словно. *Глянь, пыль взялась, буди кто идет*» (Даль 1955, I: 135). В последней цитате клауза с *буди* может прочитываться как сравнение («пыль поднялась так, как она поднимается, когда кто-нибудь идет») и как предположение («возможно, что кто-нибудь идет»). Это показывает диффузность семантики *буде*, в основе которой сохраняется связь с будущим временем.

Частицу/союз *буде* в ее союзной и модальной (эпистемической) функции принято рассматривать как реликт одной из форм будущего времени, в которой глагол *быть* употреблялся в качестве вспомогательного: во-первых, это была конструкция с инфинитивом, которая сохранилась в качестве формы сложного будущего (*буду ходить*); во-вторых, утраченная конструкция с формой причастия на *-л* (*буду ходил*), которую одни историки называют преждебудущим временем (Горшкова & Хабургаев 1997), приписывая ей таксисное значение временного предшествования, другие – «предположительным наклонением», имеющим «...чисто модальное значение, которое может быть приблизительно передано как ‘окажется, что [нечто уже произошло]’... Данная модальная форма выступает в предложениях со значением условия и в придаточных относительных» (Зализняк 2004, 177).

По данным исследователей письменных памятников (Шевелева 2008; Пенькова 2010), эволюция глагольной формы *будет* в условный союз *буде* наблюдается уже в XII веке и достигает своего апогея в XVI-XVII веках, когда этот союз становится подлинной приметой делового стиля письма. При этом, согласно наблюдениям Я.А. Пеньковой, «Древнерусские памятники XII-XV вв. содержат много свидетельств функционального сближения *будеть* именно с условным союзом, данных о сближении *будеть* с сравнительным союзом нет, а с модальной частицей – крайне мало (по-видимому, последние две тенденции прояви-

[26] *Прирванный* – разорванный, рванный.

лись гораздо позже первой).» (Пенькова 2010, 208). В подтверждение последнего можно привести следующую цитату: «Ивашка Микитинъ, надеясь на него, архимарита, или **буде** и по ево поученью, тово старца Александра браниль.» (Чел.) Суб. Мат. III, 54, 1666. (Словарь XI-XVII, 345).

[5] РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ФУНКЦИЙ БЫ, БЫВАЕТ, БУДЕ В ЧАСТНОЙ ДИАЛЕКТНОЙ СИСТЕМЕ

В системе одного говора обычно сосуществуют два из рассмотренных нами слов, но иногда встречаются и все три. Обозначим эти системы как: I (северозападная) — *бывает, буде*; II (южная и юговосточная) — *бы, буде*; III (центральная) — *бы, бывает*.

СИСТЕМА I (БУДЕ, БЫВАЕТ). Разделение функций частиц *буде* и различных модификаций *бывает* в этой системе достаточно просто и однозначно: *буде* выполняет роль сравнительного союза: *Ларь называли, буде гроб* (Он. Лмц.); *Глаз не видно, буде ножичком чирнуто*²⁷ (Он. Лмц.); *бывает* — частица с эпистемической модальностью в диапазоне 'неуверенное предположение' — 'подтверждение знания говорящего': *Я думала Валя бат придет* (Он. Лмц.); *Дай покурить! — Да у меня бат нету!* (Он. Лмц.).

СИСТЕМА II (БЫ, БУДЕ). Большинство имеющихся контекстов с *бы* представляет собой двупредикатные конструкции с антитезой первой и второй клаузы (*бы... но*), т.е. с союзной или союзно-модальной функцией *бы*. Модальные *бы* и *буде* встроены в конструкции с предикатами разного времени: *бы* — настоящего/прошедшего, *буде* — как правило, будущего. Если сопоставить те цитаты с *бы*, которые можно понимать как завершенные высказывания типа *Я бы поваляще тожо люблю на кровати да* (Усть. АП) с цитатами типа *Ты это ешь, а то я буде маме оставлю* (Усть. АП), то очевидно, что в первых выражается отношение говорящего к содержанию сообщаемого: (*поваляще ведь люблю*), а во вторых формулируется некая гипотеза-выбор относительно предполагаемого действия: *а то* (пожалуй, тебе не дам, а) *оставлю маме*.

СИСТЕМА III (БЫ, БЫВАЕТ). Среди контекстов с *бы* преобладают, как и в системе II, двупредикатные конструкции с сопоставительным или противительным отношением частей, где *бы* выполняет союзную функцию, осложненную модальностью. В высказываниях с одним предикатом *бы* выражает субъективное отношение говорящего к содержанию высказывания — неуверенность в оценке фактов (*Черёмухи сухой килограмм бы (приблизительно, кажется) шестнадцать есть* — В-Т. Вдг.), либо используется для подтверждения истинности сообщаемого: *У нас старого-то бы ('ведь') много было* В-Т. Вдг.). Частица *бывает* с эпистемической модальностью участвует в выражении отношения говорящего к реальности как неуверенного предположения (гипотезы) относи-

[27] Чирнуто — черкнуто, прорезано.

тельно истинности события или факта: *В поле растут, а в лесу-то бывай не растут еще* (В.-Т. Вдг.); *А где девочка-то? Бывай лежит?* (В.-Т. Вдг.)

Только в говоре д. Тинева Верхнетоемского р-на (едва ли не самом аутентичном из обследованных нами), встретились все три реликта глаголов *быть, бывать*; приведем этот материал полностью:

Бат/быват:

- (1) *Я давно песен-то не певала, боле бат сорока годов песен не певала, да всяко спела бы;*
- (2) *Стойками-то бат не столь давно косят;*
- (3) *Я не слыхала, бат нету;*
- (4) *Она тожо наверно год-от не помнит быват;*
- (5) *Сёдне²⁸ подморок²⁹, дак комара-то быват больше;*
- (6) *По зиме бат худо кормили, дак не дояще коровы-ти;*
- (7) *Летом-то бат и живет кто, не знаю;*
- (8) *Ты у нас на имушках³⁰ -то бат не бывала зимой-ту?*
- (9) *Наболтаю бат чего не гоже.*

Бы:

- (10) *В колхоз пошли дак бы и тожо дородно бы, ак ить по триста грам дают на трудодень дак тожо дак;*
- (11) *Наа³¹ посылать мне бы похоронна, съездили бы в Ленинград-то на могилу-ту;*
- (12) *Мама бы хорошо работала, а отец деньги пропьет;*
- (13) *Мне бы охота сходить попроведать, да некогда;*
- (14) *А за рекой-то боле бы сухо топере, да некого ешо нету;*
- (15) *Он уж бы и плыл и ревел, што спасайте, а некого нету;*
- (16) *Ак они бы есь немножко, да они червивы;*
- (17) *Она зовет бы, да я не хочу;*
- (18) *Он такой был бодрой, хорошей бы мужик-то;*
- (19) *Рвите бы лук-от, я не жалею;*

[28] Сёдне – сегодня.

[29] Подморок – пасмурно, облачно.

[30] Имушки – деревенский праздник.

[31] Наа – надо.

- (20) *Уж будет ак сами выучацце как надо, а пускай **роботают бы!**
Пускай **робят бы!***

Будет:

- (21) *Мы-то сами по себе дак, у меня топере окорёно, а потом **ро-скряжую будет** осенью-ту, на кряжи опеть **вы́вожу-ту**;*
- (22) *Какá-то когды жонка пошла, а мужик-от только што **выско-чил**, дак она одва не испужаласе: **думат**, он **быват** чего **сделат** со мной **будет**;*
- (23) *Уж **будет** ак сами **выучацце** как надо, а пускай **роботают бы**, пускай **робят бы!***

Как нам представляется, роли *бывает*, *бы* и *будет* в этой системе достаточно четко распределены: *бывает* (*бат*, *быват*) употребляется как модальная частица с эпистемическим значением ‘может быть’, ‘наверное’; *бы* реализует весь широкий диапазон своих функций: оно «работает» и как общерусский условный союз – (10), (11), и как союз с модальным значением сожаления о нереализуемости предпосылки, сформулированной в первой клаузе двухчастного высказывания – (12)-(17), и как частица в высказывании с одним предикатом, которое можно интерпретировать и как фрагмент двухчастного высказывания с антитезой содержания первой и второй части, и как завершенное высказывание, где *бы* синонимично частице *ведь* (18). В (19), (20) частица *бы* сопровождает императив.

Значение *будет*, которое вне системы могло быть интерпретировано двояко (как эпистемическое и как дублирующее значение будущего времени – см. раздел [4.1].), в системе, где выражение эпистемического значения определено принадлежит частице *бывает*, влечет за собой однозначное толкование *будет* как дублера-усилителя значения будущего времени.

[6] Выводы

1. Диалектная речь наглядно демонстрирует общее движение старых форм бытийных глаголов – переход их из грамматики глагольных форм (морфологии) на уровень грамматики высказывания (синтаксиса), в область эгоцентрических слов, обозначающих позицию говорящего.
2. Эволюция модальных слов, восходящих к формам глаголов *быть*, *бывать*, показывает, что служебные слова, производные от бытийных глаголов, сохраняют «семантическую память» на уровне обобщенных категориальных значений, таких, как «нерегулярность» для *бывает*, «будущее» для *буде*.

3. Функциональная и семантическая многозначность диалектного слова в условиях жизни вне рамок кодифицированной нормы ведет к его десемантизации, которая сопровождается эллиптическими преобразованиями исходной формы, и в конечном счете оставляет за этими словами роль текстообразующих элементов.

СПИСОК НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛ. (РАЙОН, ДЕРЕВНЯ):

- Вель. – Вельский; Сдр. – Судрома, Пкш. – Пакшеньга;
- В-Т. – Верхнетоемский; Тин. – Тинева, Вдг. – Вадюга, Тим. – Тимошино, Грк. – Горка, Врш. – Вершина;
- Вил. – Вилегодский; Клуб. – Клубоковская, Пвл. – Павловская, Слн. – Селяна;
- Карг. – Каргопольский; Оз. – Озёрко, Лкшм. – Лёкшмозеро, Нкл. – Нокола;
- Котл. – Котласский; Збл. – Заболотье;
- Красн. – Красноборский; ВУ – Верхняя Уфтюга;
- Леш. – Лешуконский; Кеба;
- Мез. – Мезенский; Дрг. – Дорогорское; Мос. – Мосеево;
- Нянд. – Няндомский; Врл. – Верола;
- Он. – Онежский; Лмц. – Лямца, Хчл. – Хачела;
- Пин. – Пинежский; Лав. – Лавела, Нюх. – Нюхча, Врк. – Веркола, Шт. – Шотогорка;
- Плес. – Плесецкий; Прш. – Першлахта;
- Прим. – Приморский; Пшл. – Пушлахта;
- Усть. – Устьянский; АП – Акичкин Починок, Снк. – Синики;
- Холм. – Холмогорский; ПМ – Плёсо-Мякурье;
- Шенк. – Шенкурский; ВП – Верхопаденьга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

АГ-80 *Русская грамматика* I, II. М., 1980.

АОС *Архангельский областной словарь*. Под ред. О.Г.Гецовой. Вып. 1 А-Бережок. М., 1980; Вып. 2 Береза-Бяще. М., 1982.

Апресян Ю.Д. *Лексическая семантика*. М., 1974.

Бирюлин Л.А., Храковский В.С. *Повелительное наклонение: проблемы теории* // Типология императивных конструкций. СПб, 1992.

Бонно К., Кодзасов С.В. *Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на линеаризацию и интонирование (на примере частиц же и ведь)* // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М., 1998. С.382-443.

Галинская Е.А. *Об одном остатке древнеславянского имперфекта в русском языке* // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология 6/ 2006. С.47-60.

Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. *Историческая грамматика русского языка*. М., 1997.

Даль В. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т.1-4. М., 1955.

Добрушина Н.Р. *Семантика частиц бы и б* // Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009.

Евтюхин В.Б. *Аранжировка диалектных текстов с помощью частиц* // Севернорусские говоры. Вып. 3. Л., 1979.

Зализняк А.А. *Древненовгородский диалект*. М., 2004.

Кодзасов С.В. *Просодический строй русской речи*. М., 1996.

Кодзасов С.В. *Исследования в области русской просодии*. М., 2009.

Левонтина И.Б. *Давай-давай* // Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т.М.Николаевой. М., 2005.

Николаева Т.М., Седакова И.А. *Ценностная ориентация клише и штампов в современной русской речи* // *Revue des études slaves*. LXVI, 3, 1995.

Ожегов С.И. *Словарь русского языка*. М., 1972.

- Пенькова Я.А. Будетъ как источник формирования служебных слов (на материале деловых памятников XII-XV веков) // Вопросы русского языкознания. Вып. XIII. Фонетика и грамматика. Настоящее, прошедшее и будущее. М., 2010.
- Пожарицкая С.К. О семантике итеративных глаголов в севернорусских говорах // Современные русские говоры. М., 1991.
- Разлогова Е.Э. Пожалуй // Дискурсивные слова русского языка. М., 1998.
- СРЯ *Словарь русского языка XI-XVII вв.* Вып.1 (А-Б) М., 1975.
- ССРНГ *Словарь современного русского народного говора* (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). Под ред. И.А. Оссовецкого. М., 1969.
- Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка.* Том I. М., 1964.
- Шахматов А.А. *Синтаксис русского языка.* М., 2001.
- Шевелева М.Н. О судьбе древнерусских конструкций с независимыми формами глагола быти в русском языке // Вестник Моск. Ун-та. Сер.9. Филология. 2008. № 6.
- Heine В. *Auxiliaries: cognitive forces and grammaticalisation.* Oxford: Oxford U. Press, 1993.

АДРЕС АВТОРА

Пожарицкая С.К.
Кафедра русского языка
Филологический факультет
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва
sofkonst@yandex.ru